

АРХАНГЕЛЬСК, ПГУ, 12-16 СЕНТЯБРЯ

XIV

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ

* ИИДНЯЛНИИ
СТРАН И ФИНЛЯНИИ

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Министерство образования Российской Федерации
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

XIV КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Тезисы докладов

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации Архангельской области,
Российского гуманитарного научного фонда
и Секретариата Баренцева Евро-Арктического региона*

Москва – Архангельск

2001

ными традициям. Заметим в скобках, что захоронение в кургане 2 группы Рагги-Наволок III отсюда же "повисает в воздухе" на фоне данных памятников. Курган 8 расположенной в непосредственной близости группы Рагги-Наволок II содержал компактное захоронение мужского пола, датированное XI в., а на поселении Рагги-Наволок VII в этом же комплексе памятников было найдено шаферное прищипе с процарапанными на нем изображениями гуртовое корабль с коровой выстройкой и дубуби. Последние изображения С.В. Безеневой определены как кивчицкий знак Святослава Игоревича или Ярослава Святославича. При этом среди ранних древнерусских памятников своего региона Боровское Купалище не уникально. По всей вероятности, на территории Новгородской земли в XI в. начинается распространение ранне-ужо-элитарных черт материальной культуры "варяж", свободное население активно усваивает престижные образцы поведения, своего рода новые "железные стандарты", чему в незначительной степени должно было способствовать активное участие новгородцев в военных предприятиях русских князей.

Некоторая противоречивость самого комплекса железных предметов из погребения в кургане 2, внешне соответствующего известным наборам ремесленных орудий, но самих инструментов, по существу, не содержащего, может объясняться самим характером захоронения: прах погибшего и его имущество были привезены на родину его товарищами. Кто и как после гибели нашего "ремесленника" пытался его имущество, навсегда останется загадкой, но, очевидно, этот человек попросту сложил в ящик для инструментов всё, что казалось ему мало-мальски относящимся к делу.

* * *

В.В. Муравьева
к.и.н., Москва

БЛЯШКИ-ПОДВЕСКИ С ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

1. Наборные пояса, которые получили широчайшее распространение в раннее средневековье, появились на территории Древней Руси с X века. Во второй половине X века они прочно вошли в состав материальной культуры различных народов Восточной Европы и употреблялись точно по назначению. Очевидно, что они представляли интерес для толды что выделявшейся верхушки общества именно как социально-значимый элемент культуры.

2. В условиях достаточно широкого распространения и ограниченного применения наборных поясов мужским населением встречено несколько случаев вторичного использования поясных накладок — в качестве подвесок к ожерельям. В этих случаях бляшки-подвески попадали в состав инвентаря женских погребений. В том случае, если

поясная накладка имела петельку, в которую продевалось кольцо (в соответствии с первоначальным смыслом предмета), ее было легко использовать (правда, вверх ногами) в качестве подвески — все конструктивные детали уже были налицо. Если же петелька не была предусмотрена конструкцией, к бляшке специально крепилось ушко.

3. В общей сложности на территории Древней Руси на настоящий момент нам известно 9 случаев находок бляшек-подвесок: 4 происходят из двух курганов Гнездово (Ц-176, Ц-198, раскопки Д.А. Андуски; Смоленская обл.) на остальных памятниках найдено по одной подвеске: Селев (кург. 1, раск. Д.Я. Самоковасова; Черниговская обл.), Киев (пог.124), Тимерево (кург. 459, раск. М.В. Феллер; Ярославская обл.), Михайловское (кург. 1, раск. В.А. Городовиков; Ярославская обл.), Владимирская обл. (компл. неизвестен, раск. А.С. Уварова)

4. Этническая принадлежность погребенных в курганах, из которых происходят находки бляшек-подвесок, не вызывает сомнений. Все эти украшения принадлежат выходцам из Скандинавии, исключение составляет подвеска, происходящая из депортированного комплекса Владимирской губернии, этническая атрибуция владельцев которой невозможна.

5. Анализ материала позволяет датировать одну из подвесок первой половиной X века (Михайловское), все остальные происходят из комплексов второй половины X века. Подвеска из Владимирских курганов также имеет аналоги среди материалов второй половины X века.

6. Попытка выяснить происхождение бляшек дает возможность отнести четыре из них к кругу предметов, связанных с декоративно-прикладным искусством Хазарского Кайаната. Две подвески имеют точные аналоги в материалах Тохтятской культуры Южской Сибири, а еще одна относится к Волжско-Болгарской традиции. Остаточные две бляшки не поддаются атрибуции.

7. В Скандинавии также зафиксированы случаи вторичного использования поясных украшений. Большинство находок конца VIII-X вв. происходит из памятников (7 пунктов из 8) с территории Швеции. На каждом из памятников найдено не более двух экземпляров подобных подвесок. Исключение составляет некрополь Берга, где в 21 женском погребении найдено 55 экземпляров. Датированы все комплексы концом IX — первой четв. X вв. Подпадающее большинство имеет аналоги среди древности, связанных с Хазарским кайанатом.

8. Итак, мода использовать не вполне понятные в контексте собственной культуры вещицы в качестве украшений характерна для жителей Скандинавии. Сравнение древнерусских и шведских материалов позволяет отметить заметную разницу в регионах, являвшихся "природной" бляшек-подвесок. Причиной этого, видимо, в пер-

ную очередь, является хронологическая разница (комплексы из Бирки относятся к концу IX – первой четв. X в., комплексы с территории Древней Руси – в основном, во второй половине X в.), обусловившая некоторое различие в направлении культурных и торговых связей, а также изменение представлений об “экзотических” предметах с течением времени.

*В.С. Нефедов
Москва*

НОВОСЕЛКИ И ГНЕЗДОВО

Новоселковский археологический комплекс расположен на северо-западной окраине Смоленска (пос. Подлескино), на правом берегу р. Брөгинская (прежние названия – руч. Поляканика), впадающей в р. Дубровенка (правый приток Днепра). Он состоит из городища, селища и курганного могильника, материалы которого неоднократно обсуждались в литературе.

С 1924 по 1999 гг. в могильнике раскопано 19 курганов из 36, зафиксированных А.Н. Ливадским в 1923 г., остальные уничтожены. Из 13 захоронений, для которых пол погребенного может быть определен по инвентарю, 7 мужских, 5 женских и 1 парное, что указывает на стабильное демографическое положение данного коллектива. Не менее 10 комплексов (+1?) являются скандинавскими, причем не исключено, что к ним относятся все определенные мужские погребения. 6 мужчин были похоронены с оружием (мечи, копье, стрелы). Видимо, ведущую роль в этом коллективе играли воины-скандинавы не очень высокого ранга. Среди женских захоронений и керамики выделяются скандинавская, “новорусская”, латгальская и местная “длиннокурганная” традиции, причем последние не являются доминирующей, а в украинских представлениях в основном подвиды дераватана. Хронология курганов определяется кольцевидными фибулами типов IV и V по Л. Тонаре-Нолле, охватывали фибулами позднего варианта типа 51 по Я. Петерсену, гробницами группы II по О.И. Давидан, типом типа 27 по Ю. Валлер, 14-гранными гирьками, а также почти полным отсутствием круговой керамики. Могильник можно датировать I-II половиной – серединой X в., скорее всего не ранее 2-й четверти этого столетия. Меч типа В из кургана 5 не применим для датировки, поскольку найден совместно с гробницей группы II, остальные предметы не противоречат указанным датам.

Селище площадью ок. 2,5 тыс. кв. м расположено в 200 м от курганов, у подножия городища. В 1999–2000 гг. на селище раскопано 180 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,6 м частично перепахан и содержит материалы с VI в. по I-ю половину или середину X в. К концу I тыс. относятся остатки углубленных в мате-

рык хозяйственных построек и различные предметы быта типа 27 по Ю. Валлер, наконечники стрел типов 34 и 62 по А.Ф. Медведю, конские железные шпильки, лодейные заклепки, обрезок дилема (Аббасида, кон. VIII в.), обломок железных гривен, свинцово-оловянистый перстень со стеклянной вставкой, дужка бронзовой серьги, железный язычок от подковообразной фибулы, сердошковая гранчатая и хрустальная бипирамидальная бусыны, желтый и зеленый бисер, ключ от внутреннего замка, фитильная трубка, обломок тиглей и т. д. Керамика позднего периода существования памятника лессная, в целом характерная как для КСДК, так и для некоторых регионов в ареале ромеицкой культуры. Отдельные керамические формы (например, “золотонидный” сосуд) и виды орнамента типичны именно для ромеицких древностей, но редки или не известны в КСДК. Несомненно, что на поселении совместно с автохтонным населением проживали скандинавы и выходцы с Днепровского Левобережья. При этом отнесение селища к КСДК остается проблематичным, поскольку на нем пока не найдено женских украшений этой культуры, интерпретация керамического комплекса не вполне однозначна, а достоверных данных о датировке курганов в окрестностях памятника нет. Очевидно, что его некролем был находившийся рядом курганный могильник и что оба памятника прекратили функционировать одновременно, около середины X в. Возможно, их верхово дату маркирует клад с младшей монетой 960/961 г., найденный в 1849 г. у д. Дубровенка (точное место находки не известно).

Городище относится к раннему железному веку, однако оно, видимо, использовалось и в конце I тыс., хотя постоянного поселения на нем в это время не было. При зачистке края его площадки, произведенной в 1999 г., обнаружены остатки укреплений, сооружений раннего позднего вала дисперс-длинной культуры, а также единичные обломки керамики, близкой КСДК.

По нашему мнению, Новоселки, расположенные в 5 км от Гнездова, были тесно связаны с ним во 2-й четверти – середине X в. Синхронные курганам материалы новоселковского селища, а также комплексы самих курганов очень близки материалам раннего Гнездова и хронологически совпадают с последними. Поэтому было бы ошибочно рассматривать их в качестве древностей, предшествующих Гнездову или отражающих какое-то особое этнокультурное явление. Не следует и преувеличивать их связь с КСДК, которая, хотя и проследывается, но не в большей степени, чем в раннем Гнездове. Что касается квадратной формы курганов, то она известна как в поздних могильниках КСДК (Сельмо, Акулы и др.), так и в Гнездове (к. 38 и 47, 2-я четв. – сер. X в.), и истоки этой традиции в Смоленском Поднепровье пока не до конца ясны.